ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2025. Том 18. Выпуск 4 | 2025. Volume 18. Issue 4
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Постфеноменология техники: от медиации к конституированию опыта

Москвитин В. А.

Аннотация. Цель исследования – показать, как постфеноменология переосмысливает технику: не как инструмент (средство для достижения цели) и не как нечто трансцендентное (например, «сущность техники» у Хайдеггера), а как то, что активно участвует в формировании человеческого опыта, телесности и культурной жизни. В статье анализируются ключевые понятия постфеноменологии: 1) техническая медиация – техника не передаёт опыт пассивно, а сама его структурирует; 2) мультистабильность – один и тот же артефакт может по-разному влиять на опыт в зависимости от контекста; 3) воплощённость – техника становится продолжением тела (например, очки); 4) герменевтическое опосредование – техника требует интерпретации (например, показания прибора); 5) «отношение-партнёрство» – техника воспринимается как квази-субъект (например, голосовой помощник); 6) фоновость – техника остаётся незаметной, но задаёт условия повседневной жизни (например, отопление или городская инфраструктура). Эти понятия показывают: техника – не пассивный объект, а активный медиатор, который формирует, как мы видим мир, действуем в нём и принимаем этические решения. Научная новизна состоит в следующем: предложена целостная реконструкция постфеноменологии как интерреляционной (всё существует в отношениях, а не как изолированные сущности) и антиэссенциалистской (отказ от поиска «сущности техники»); выявлена её критическая функция: она помогает избавиться от скрытого антропоцентризма (мысли о том, что всё в мире организовано вокруг человека) и от остатков классической эпистемологии (например, представления о технике как «объекте познания»); обоснована необходимость расширить так называемый «эмпирический поворот»: анализ техники должен включать не только то, как люди её используют, но и её незаметные, но значимые эффекты, которые формируют фон жизненного мира. В результате выявляется, что в постфеноменологии техника – не данность и не угроза, а поле этического и онтологического выбора. Человек не просто пользуется артефактами – он вместе с ними конституирует себя и мир. Подлинная сила постфеноменологии проявляется тогда, когда она соединяет внимание к конкретным практикам с онтологическим анализом, избегая как абстрактных метафизических обобщений, так и поверхностного эмпиризма.

EN

Postphenomenology of technology: from mediation to the constitution of experience

V. A. Moskvitin

Abstract. The research aims to demonstrate how postphenomenology re-conceptualizes technology: not merely as a tool (a means to an end) nor as something transcendent (e.g., Heidegger's "essence of technology"), but as an active participant in shaping human experience, embodiment, and cultural life. The article analyzes the key concepts of postphenomenology: 1) technical/technological mediation – technology does not passively transmit experience, but actively structures it itself; 2) multistability – the same artifact can influence experience differently depending on the context; 3) embodiment – technology becomes an extension of the body (e.g., eyeglasses); 4) hermeneutic mediation – technology requires interpretation (e.g., instrument readings); 5) "partnership-relation" – technology is perceived as a quasi-subject (e.g., a voice assistant); 6) background presence – technology remains unnoticed, yet establishes the conditions of everyday life (e.g., heating or urban infrastructure). These concepts demonstrate that technology is not a passive object but an active mediator that shapes how we perceive the world, act within it, and make ethical decisions. The scientific novelty lies in presenting a holistic reconstruction of postphenomenology as interrelational (everything exists in relations, not as isolated entities) and anti-essentialist (rejecting the search for the "essence

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20250206

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

of technology"); its critical function is revealed: it helps to overcome hidden anthropocentrism (the idea that everything in the world is organized around humans) and the remnants of classical epistemology (e.g., the notion of technology as an "object of knowledge"); the necessity to expand the so-called "empirical turn" is substantiated: the analysis of technology should encompass not only how people use it, but also its subtle yet significant effects that constitute the background of the lifeworld. As a result, it is revealed that in postphenomenology, technology is neither a given nor a threat, but a field of ethical and ontological choice. Humans do not merely use artifacts – they constitute themselves and the world in conjunction with them. The true strength of postphenomenology manifests when it combines attention to specific practices with ontological analysis, thereby avoiding both abstract metaphysical generalizations and superficial empiricism.

Введение

Философия техники в XX-XXI веках переживает глубокую трансформацию: от метафизических размышлений о «сущности техники» к эмпирически укоренённому анализу конкретных технологических практик. В этом контексте постфеноменология выступает не как маргинальное течение, но как радикальное переосмысление феноменологической традиции, в котором техника перестаёт быть внешним дополнением к сознанию и становится внутренним условием возможности самого опыта. Отказываясь от трансцендентальных конструкций и идеализации «чистого» переживания, постфеноменология утверждает, что всякий опыт уже технически опосредован – от письма кистью до взаимодействия с алгоритмическими платформами.

Теоретической базой исследования послужили работы, посвящённые развитию постфеноменологического подхода к технике, анализу технонаучных конфигураций, телесности, медиации и критике эмпирического поворота в философии техники.

Классические и фундаментальные положения постфеноменологии заложены в трудах Дона Айди (Ihde, 2002; 2008; 2022), где разработаны ключевые понятия – техническая медиация, четыре модальности опосредования (воплощённое, герменевтическое, «отношение-партнёрство», фоновое) и идея эмпирического поворота как отказа от метафизических обобщений в пользу анализа конкретных технологических практик. Эти работы легли в основу понимания техники как активного медиатора, формирующего структуры восприятия и действия.

Дортер (Dorter, 1981) кратко излагает и оценивает ключевые идеи Иде, в которых тот развивает феноменологический подход к технике, опираясь преимущественно на работы Мартина Хайдеггера и Мориса Мерло-Понти. Центральная тема книги – роль техники в человеческом опыте и познании, а не просто её инструментальная функция

Развитие этического и нормативного измерения постфеноменологии представлено в работах Питера-Пауля Вербека (Verbeek, 2010) и сборнике под редакцией Роберта Розенбергера и Вербека (Rosenberger, 2015), где техника рассматривается не только как условие опыта, но и как фактор, формирующий моральные горизонты и этические дилеммы. Эти идеи использованы для обоснования тезиса о технике как поле этического выбора.

Критический анализ онтологических и методологических предпосылок постфеноменологии содержится в работах Мартина Риттера (Ritter, 2021a; 2021b), который настаивает на необходимости соединения эмпирической конкретности с историко-онтологическим горизонтом, а также в статье Александра Пенттиля и Микко Мертанена (Penttilä, Mertanen, 2025), подвергающей сомнению устойчивость категории «отношение-партнёрство». Эти позиции легли в основу критики ограниченности «эмпирического поворота» и аргументации в пользу расширения аналитического поля.

Вопросы телесности, воплощённости и телесных практик как основы технического опыта исследуются в работах Хелен де Престер (Preester, 2010) и Сергея Гашкова (Гашков, 2010; 2021). Они показывают, что взаимодействие с техникой всегда телесно опосредовано и формирует устойчивые телесные конфигурации, через которые конституируется субъективность. Эти идеи использованы для анализа «практик себя» и понимания техники как условия телесного бытия.

Российские исследователи внесли значительный вклад в адаптацию и критическую рефлексию постфеноменологии. Сергей Березин (2008; 2009) вводит понятие «постфеноменологического дискурса» и подчёркивает необходимость сохранения категории «техника» как структурного принципа, что легло в основу критики антиэссенциалистского уклонения. Людмила Андрюхина (2010) анализирует виртуальность как форму технической медиации, акцентируя внимание на побочных и непреднамеренных эффектах технологий. Мария Дедюлинна (2014) и Елена Мартин-Иогансон (2024) критикуют упрощённое понимание эмпирического поворота и настаивают на учёте фоновых и системных эффектов техники. Анна Верещако (2019) и Роман Гранин (2021) развивают герменевтическое измерение постфеноменологии, подчёркивая роль культурного контекста в интерпретации технических артефактов.

Современные работы Кайи Клаассен (Claassen, 2024) и Альберто Ромеле (Romele, 2021) указывают на скрытый антропоцентризм и эпистемологические остатки в языке постфеноменологии, что использовано для обоснования необходимости отказа от субъект-объектной терминологии и перехода к интерреляционной онтологии.

Наконец, работы Ирины Асеевой и Дмитрия Лукьянова (2024) и Валентина Дусека (Dusek, 2006) обеспечивают теоретический фундамент для понимания технонаучных конфигураций – неразрывного сплетения науки, техники, институтов и практик, – что позволило выйти за рамки узкого «человек-артефакт» и рассмотреть технику в системном контексте.

Задачи исследования:

1) показать, что в постфеноменологии техника выступает не как инструмент или внешняя сила, а как активный медиатор, формирующий структуры восприятия, действия и этического самоопределения;

2) описать четыре основные формы технического опосредования – воплощённое, герменевтическое, «отношение-партнёрство» и фоновое – и объяснить, как каждая из них участвует в конституировании человеческого опыта и субъективности;

3) проанализировать «эмпирический поворот» в постфеноменологии, указав на его ограничения и обосновав необходимость учёта не только пользовательских практик, но и незаметных, побочных и системных эффектов техники, формирующих фон жизненного мира.

Методы исследования:

1) историко-философский анализ – для реконструкции эволюции понимания техники от классической феноменологии к постфеноменологии и выявления ключевых сдвигов в её онтологическом статусе;

2) сравнительный анализ – для демонстрации мультистабильности технических артефактов: показа того, как один и тот же объект может по-разному конституировать опыт в зависимости от телесных, культурных и ситуативных контекстов;

3) герменевтический анализ – для интерпретации технических практик как форм «практик себя», в которых человек совместно с техникой формирует свою субъективность, этические установки и способы присутствия в мире;

4) системный подход – для рассмотрения техники не изолированно, а в рамках технонаучных конфигураций, где неразрывно связаны артефакты, знания, институты, телесные практики и культурные смыслы.

В анализе выделяются два основных направления:

– постфеноменологическая парадигма, настаивающая на том, что техника – это не «средство», а условие раскрытия мира, формирующее горизонты восприятия, действия и этики;

– критическая рефлексия внутри постфеноменологии, которая указывает на необходимость радикализации её установок: отказа от эпистемологически нагруженной терминологии, восстановления категории «техника» как структурного принципа и синтеза конкретного анализа с историко-онтологическим горизонтом.

Только в таком расширенном понимании постфеноменология может выполнить свою подлинную задачу – не просто описывать, как техника влияет на человека, но раскрывать, как человек и мир совместно возникают через технику и как это возникновение может быть осознанно, рефлексивно и этически направлено.

Практическая значимость:

Результаты исследования могут быть использованы при разработке методологических материалов по философии науки и техники – в частности, для преподавания дисциплин, связанных с этикой технологий, философией науки и техники, создания учебных программ, научных семинаров, направленных на развитие критического и этически осознанного отношения к технологиям.

Обсуждение и результаты

Постфеноменология как философское направление представляет собой рефлексивное развитие феноменологической традиции, переосмысливающее её исходные установки в контексте технологически опосредованного опыта. Постфеноменология – это не отказ от феноменологии, а её дальнейшее развитие в условиях, когда человеческий опыт уже невозможно представить без техники. Она сохраняет главный принцип феноменологии – внимание к конкретному, живому опыту, – но отвергает два устаревших предположения: во-первых, что техника – это нечто внешнее по отношению к опыту (например, просто инструмент или помеха), а во-вторых, что для понимания опыта нужны абстрактные, вневременные схемы («трансцендентальные конструкции»).

Вместо этого постфеноменология обращается к реальным технологическим объектам – от очков и термометров до алгоритмов и городской инфраструктуры – и анализирует, как они вплетены в повседневную жизнь, формируя наше восприятие, действия и даже способы мышления. Техника здесь не «добавляется» к опыту извне – она изначально участвует в его конституировании.

Центральным понятием данного подхода выступает медиация, понимаемая не как пассивный канал связи, а как активный процесс структурирования отношений между человеком и миром с помощью технических объектов (Верещако, 2019). Техника здесь не инструмент в утилитарном смысле, а конституирующая сила, формирующая способы восприятия, познания, действия и даже этического самоопределения. Через медиацию техника становится неотъемлемым элементом человеческого опыта, изменяя не только внешние условия существования, но и внутреннюю структуру сознания, телесные практики и формы социального взаимодействия.

Феноменологический подход в изучении технологий основывается на двух ключевых принципах. Во-первых, он отвергает общие обобщения о «технике как таковой» и вместо этого сосредотачивается на разнообразии конкретных технологий, каждая из которых создает свои собственные способы взаимодействия с миром. Во-вторых, этот подход объединяет философское размышление с практическими исследованиями. Он не навязывает заранее подготовленные теоретические рамки техническим явлениям, а, наоборот, извлекает философские идеи из самого анализа технологических практик. Таким образом, философия не просто применяется к технике, а вырастает из неё, становясь философией, глубоко укоренённой в материальных и исторических аспектах технического опыта (Ihde, 2002; 2008; 2022).

Постфеноменология возникает на стыке феноменологии и прагматизма. От феноменологии она наследует методологическую строгость, внимание к телесности и многообразию опыта, укорененного в жизненном мире. Прагматизм добавляет ключевую идею: опыт неотделим от практического взаимодействия с окружением, что разрушает миф об автономном сознании. В итоге рождается реляционный подход, где сознание – не замкнутая сущность, а динамическое поле, постоянно формируемое в диалоге с миром через технических посредников.

Технологии выступают не просто как объекты, но как активные участники опыта, формируя своего рода «среду», через которую осуществляется восприятие и взаимодействие с миром. Они конституируют основу отношения к реальности, влияя на то, что может быть увидено, услышано, понято и оценено (Dorter, 1981).

Постфеноменология как метод философского анализа представляет собой углублённое и преобразованное понимание феноменологии, сосредоточенное на исследовании опыта, который проходит через призму технологий. Основная идея постфеноменологии заключается в переосмыслении ключевых понятий феноменологии, таких как интенциональность, с акцентом на то, как технологии влияют на человеческое существование. В этом контексте интенциональность не рассматривается просто как абстрактная направленность нашего сознания. Вместо этого она понимается как конкретная, основанная на взаимодействии с техническими объектами ориентация в мире, которая формирует как наше восприятие, так и наши действия (Penttilä, Mertanen, 2025). Это позволяет нам лучше понять, как технологии становятся частью нашей жизни и влияют на то, как мы воспринимаем реальность.

В этом контексте технические артефакты – не пассивные инструменты, а активные участники, формирующие нашу направленность на мир (интенциональность). Они не просто меняют восприятие, но и порождают, поддерживают и одновременно ограничивают конкретные формы действий и переживаний.

В более широком контексте философии науки постфеноменология предлагает решение важной историко-семантической проблемы: такие категории, как «наука», «техника» или «учёный», сами являются продуктом истории и часто отстают от реальных практик, которые они призваны описывать.

Представление о науке как об автономной сфере разума и о технике как о наборе инструментов возникает лишь задним числом. В исторической же реальности они изначально были переплетены – через инструменты наблюдения, экспериментальные установки, оптические приборы и механизмы измерения (Ritter, 2021a). Постфеноменология открывает новые возможности для философского анализа, учитывающего материальные, телесные и исторические аспекты всех познавательных и практических отношений с миром. Это делает возможным более глубокое понимание того, как мы взаимодействуем с окружающей действительностью.

Исторически сложившиеся подходы к науке, ориентированные на математизацию, логику и строгую чистоту знания, уступают место подходам, которые сосредоточены на практике, истории и материальной стороне научной работы.

Науку начинают рассматривать не как линейное накопление истин, а как динамическое поле, где знание рождается в процессе взаимодействия людей, инструментов, текстов и институтов. В этом контексте возникает новая интерпретация науки (герменевтика) – такая, которая обращает внимание не на теоретические построения, а на лабораторную повседневность: на конкретные действия, записи, приборы и визуальные данные, через которые знание обретает материальную форму и признание (Romele, 2021).

Постфеноменология предлагает новый взгляд на понимание мира, в котором наука и технология рассматриваются как неразделимые части единого процесса – так называемого технонаучного поля. В таком контексте знания и понимание формируются не только через теоретические размышления, но и через взаимодействие с техническими средствами и медиаторами, которые помогают нам воспринимать и интерпретировать реальность.

Это значит, что нельзя понять эту сферу, опираясь только на чистые теории, социологические или исторические подходы. Каждая из этих дисциплин дает часть картины, но, чтобы захватить целостность, необходим синтетический подход, сочетающий разные уровни: материальность технических объектов, телесность опыта практической деятельности, символику и знаки, которые мы записываем, а также историческую изменчивость и развитие этих форм.

Именно в этом сбалансированном соединении – в объединении материального, символического и исторического – раскрывается суть постфеноменологии. Эта философия позволяет понять опыт не как чистое восприятие или чистую идею, а как результат взаимодействия человека с техникой, то есть с инструментами и средствами, которые его окружают.

Из этого следует, что постфеноменология обращается к опыту, который находится внутри конкретных, локальных условий, а не в универсальных и абстрактных идеях. Она показывает, что наше понимание мира всегда связано с техническими посредниками, и именно в этом – источник его глубинного значения.

Задача постфеноменологии – выявить основные способы (модальности), которыми техника встраивается в структуру человеческого опыта. Анализируя взаимодействие человека и технических артефактов, можно выделить четыре фундаментальных типа опосредования: воплощённое, герменевтическое, «отношение-партнёрство» и отношение в фоновом режиме.

При воплощённом отношении техника становится продолжением тела, как очки или автомобиль, через которые мир воспринимается иначе – расширяется, усиливается или трансформируется.

При герменевтическом отношении техника выступает носителем знаков, требующих интерпретации, как показания термометра или данные спектрометра.

В отношении-партнёрстве артефакт воспринимается как условный партнёр, с которым возможен диалог или игра.

Фоновые же технологии, оставаясь незаметными, формируют саму ткань повседневности. Они создают базовые условия для жизни, как системы отопления, одежда или архитектура (Rosenberger, 2015).

Постфеноменология расширяет границы анализа, выходя за пределы изучения личного опыта и обращаясь к тому, как технологии вплетаются в культурные контексты. Она исследует, каким образом культуры формируют наше восприятие и использование технологий, а сами технологии, в свою очередь, влияют на эти культурные горизонты (Гранин, 2021). В этом подходе техника не считается простой нейтральной вещью – она является не просто пассивным инструментом, который человек использует по своему желанию, а абсолютной силой, определяющей все аспекты социальной жизни. Скорее, технологии обладают свойством ненейтральности – они способны направлять наш опыт, ограничивать возможные действия и формировать образы практик, не приводя к тому, что всё предопределено.

Это проявляется в концепции мультистабильности: один и тот же технологический объект может играть разные роли в зависимости от исторического, культурного и практического контекста. Например, смартфон в одной культуре может восприниматься как средство общения, а в другой – как инструмент для работы или развлечений. Но эта многоликость не означает произвольность – она говорит о существовании нескольких возможных вариантов использования, каждый из которых имеет свою внутреннюю структуру и влияние.

Главной задачей для постфеноменологии становится осмысление преобразующей силы техники. Если любая технология изначально рождается в недрах культуры, то как тогда понять её способность изменять саму эту культуру? Может ли техника преобразовать не только отдельные практики, но и само культурное бытие – наши горизонты восприятия, системы ценностей, формы этического выбора?

Здесь возникает ключевое противоречие: с одной стороны, культура всегда осмысливает технику через призму своих ценностей; с другой – именно техника формирует те самые рамки, в пределах которых это осмысление становится возможным. Даже совершая свободный выбор, мы действуем в пределах, очерченных техникой. Она не определяет за нас решение, но формирует само пространство возможных решений (Verbeek, 2010).

Современную эпоху характеризует фундаментальный сдвиг: техника более не является внешним дополнением к человеческому миру, но становится его внутренней основой, той «средой обитания», внутри которой только и возможно существование. В рамках этой технологической среды возникают новые, ранее невозможные формы человеческого опыта. Ключевой из них является способность жить в состоянии культурного плюрализма – то есть постоянно удерживать в сознании и совмещать множество различных, порой противоречивых культурных и информационных перспектив.

Однако это смещение не неизбежно – более того, оно ограничивает потенциал постфеноменологии. Её подлинная философская сила раскрывается в способности осмысливать технику во всей её полноте: от телесного воплощения до преобразования культуры, от единичного артефакта до структуры жизненного мира (Ritter, 2021b). Лишь такой целостный подход позволяет выполнить её главную задачу: не просто описать техническое опосредование, но вскрыть его этические, онтологические и экзистенциальные последствия.

Постфеноменология как философская установка концентрируется на анализе технически опосредованных отношений между человеком и миром, исследуя, каким образом технологии не просто расширяют или ограничивают человеческие действия, но конституируют само пространство опыта, этики, политики и повседневности. Она рассматривает технику не как нейтральный инструмент или автономную силу, но как активного медиатора, формирующего структуры восприятия, познания и практики. В этом смысле техника – не внешний объект, а внутреннее условие возможности человеческого бытия в современном мире (Березин, 2008).

Философская основа постфеноменологии – это объединение двух ключевых идей. Первая – внимательное и детальное изучение конкретного опыта человека, его восприятия и ощущений (наследие феноменологии). Вторая – ориентация на практическую жизненную ситуацию, то есть признание того, что наши действия и восприятия всегда связаны с конкретным контекстом и обстоятельствами, в которых мы находимся (выступая как прагматисты). В отличие от классической философии, которая искала универсальные или «трансцендентные» основания существующих вещей – например, абсолютные законы или сущность техники – постфеноменология отвергает такую универсализацию.

Основным методологическим принципом является обращение к конкретным случаям – анализу реальных технологий в их вплетённости в жизненный мир. Это не просто эмпирическое наблюдение, но философская рефлексия, укоренённая в материальности практик. Под «эмпиричностью» здесь понимается не применение научных методов в узком смысле, но непосредственная ориентация на опыт использования, на то, как технологии функционируют в повседневности, как они направляют внимание, формируют привычки, конституируют горизонты возможного (Ihde, 2022). Эмпирический поворот постфеноменологии – это поворот от абстрактных метафизических конструкций к анализу технических артефактов как участников реального жизненного мира.

Однако этот поворот сталкивается с фундаментальной проблемой: что именно считать «эмпирическим» для феноменологии? Если её цель – описать опыт в его непосредственной данности, то использование методов социальных наук – с их теоретическими предпосылками и стандартными процедурами – рискует подменить сам феномен его последующей интерпретацией.

Данные науки не равны феноменам – они уже структурированы определёнными теориями, что противоречит феноменологическому призыву возврата «к самим вещам». Следовательно, интеграция постфеноменологии с научными методами требует не механического заимствования, а глубокого философского осмысления. Без этого возникает угроза утратить связь с живым опытом как первоосновой.

Более того, постфеноменология, сосредоточенная преимущественно на использовании технологий, рискует игнорировать те аспекты их влияния, которые не укладываются в рамки прагматической функциональности. Техника воздействует на интенциональность не только через свои предполагаемые функции, но и через побочные эффекты, через непреднамеренные последствия, через структуры, которые формируются помимо

воли и намерений пользователя (Андрюхина, 2010). Автомобиль, например, не только перемещает тело в пространстве – он трансформирует восприятие расстояния, времени, безопасности, социальных связей, городской среды. Эти эффекты не являются «альтернативными использованиями», они не возникают из смены функции – они сопутствуют самому факту существования технологии в мире. Их нельзя выявить, ограничившись анализом пользовательского опыта; их необходимо раскрывать через рефлексию над материальной и структурной логикой технических артефактов и их вплетённости в культурные, экологические и институциональные контексты.

Постфеноменология должна расширить свой подход, выходя за рамки простого наблюдения того, как именно используются технологии. Её задача – понять, каким образом они создают условия и последствия, даже когда мы их прямо не применяем. Другими словами, важно исследовать, как технологии формируют «фон» нашего существования – тихо и незаметно структурируют пространство возможных действий, влияют на наше восприятие мира, создают новые формы зависимости, изменяют то, что видно и что остается скрытым, а также порождают новые этические вопросы и дилеммы.

Для этого нужно перейти от изучения отдельных случаев использования технологий к анализу их более крупных системных конфигураций – целостных образований, в которых технологии, практики и институты взаимно создают и поддерживают друг друга (Ihde, 2008). Это позволяет понять, что технологии являются не просто инструментами, а частью сложных комплексов, которые формируют наше восприятие, поведение и смысловое пространство.

Они формируют основы наших привычек, восприятия и внутреннего мира, создавая новые формы субъективности. Поэтому настоящая ценность постфеноменологии заключается не только в наблюдении явных функций технологий, но и в раскрытии их скрытых влияний: побочных эффектов и структурных изменений, через которые техника проникает в глубины нашего существования и влияет на то, как мы воспринимаем и понимаем мир (Мартин-Иогансон, 2024).

Феноменология использует в качестве метода вариационный анализ, однако он применяется не только к зрительным иллюзиям или абстрактным схемам, но и к конкретным технологическим практикам. Такой анализ позволяет обнаружить не неизменную сущность, а множественность устойчивых форм – различные варианты восприятия и использования одного и того же технического объекта, зависящие от культурного, исторического и телесного контекста.

Эта множественность не случайна: она определяется телесными навыками, которые не просто сопровождают взаимодействие с технологией, но формируют саму основу нашего отношения к ней. Техника и тело в этом смысле неразделимы: техника не существует «вне» тела, а раскрывает свой смысл только через телесную практику, которая, в свою очередь, сама формируется в процессе взаимодействия с техникой.

Наглядным примером служит анализ различных форм письма: каллиграфическое письмо кистью требует медленного, ритмичного движения руки, контролируемого дыхания и полной сосредоточенности на нажиме и изгибе линии; машинопись на механической клавиатуре предполагает ритмичную, почти музыкальную последовательность ударов пальцев, синхронизированную со звуком и тактильной отдачей клавиш; сенсорный ввод на планшете, напротив, вовлекает лёгкие, скользящие жесты, визуальную ориентацию и постоянную коррекцию через обратную связь экрана. В каждом случае технология письма не просто «применяется» – она воплощается, становясь продолжением телесной интенциональности, формируя не только способ выражения мысли, но и саму структуру внимания, темп мышления, даже этику обращения со словом.

Различия в материалах – чернила и бумага, металлические клавиши, стеклянная поверхность – или в функциях – эстетическая выразительность, скорость передачи, адаптивность – оказываются вторичными по отношению к телесным конфигурациям, которые каждая технология требует и постепенно формирует в своём пользователе. Именно телесный навык – положение запястья, сила нажима, ритм движений, распределение внимания – определяет, как технология входит в опыт: как медитативное погружение, как механический навык или как фрагментарное, многозадачное взаимодействие. А значит, именно через телесную практику технология конституирует не только способ письма, но и способ мышления, структуру времени, форму присутствия в мире.

Эти телесные конфигурации могут быть описаны как реляционные стратегии – устойчивые комплексы намерений, привычек и телесных установок, посредством которых человек вступает в определённое отношение с технологией. Такие стратегии не всегда осознаны; они часто функционируют автоматически, как фон опыта. Однако при сбоях – например, при замедлении загрузки веб-страницы – прозрачность взаимодействия нарушается и человек вновь осознаёт своё телесное вовлечение: движения пальцев по клавиатуре, щелчки мыши, взгляд, скользящий по экрану. В этот момент возможен сдвиг реляционной стратегии – переход к иной телесной конфигурации, которая восстанавливает прозрачность опыта (Гашков, 2010). Важно, что такой сдвиг может быть не только спонтанным, но и спланированным: человек способен предвидеть ситуации сбоя и заранее выработать альтернативные стратегии взаимодействия. Это открывает путь к рефлексивному конструированию практик – к осознанному формированию техник использования, которые позволяют сохранять гибкость и адаптивность в технически насыщенной среде.

Технические артефакты в этом контексте выступают не как пассивные инструменты, а как активные агенты конституирования интенциональности: они не просто расширяют или трансформируют восприятие, но инициируют, способствуют и одновременно ограничивают определённые формы действия и переживания. Технические артефакты направляют внимание, формируют привычки, задают горизонты возможного, тем самым формируя как субъективные позиции, так и объективные структуры мира. В этом смысле техника становится не внешним дополнением к опыту, но его внутренней структурой – условием возможности самого интенционального отношения.

Технологии не просто изменяют действия – они формируют самого действующего субъекта. Телесные рутины, вырабатываемые в процессе взаимодействия с техникой, становятся формами дисциплинирования – не в смысле внешнего принуждения, но как практики, посредством которых человек активно составляет свою собственную субъективность (Асеева, Лукьянов, 2024). Эти практики сопоставимы с тем, что в философской традиции обозначается как «практики себя» – способы, посредством которых человек формирует своё отношение к себе и миру. Даже самые элементарные действия – сон в кровати, использование туалета, ходьба по лестнице – требуют обучения, привыкания, телесной адаптации. Как только эти навыки становятся автоматическими, человек забывает об их искусственности, воспринимая их как естественные. Однако именно в этой «естественности» и проявляется глубочайшая техническая опосредованность человеческого бытия.

В этом смысле постфеноменология становится не только описательной, но и практической философией – философией, которая не только раскрывает структуры технического опосредования, но и предлагает пути их осмысленного, рефлексивного и этически ответственного преобразования. Она призывает не просто видеть технику, но видеть через неё – и, что важнее, видеть то, что через неё остаётся невидимым, но тем не менее определяет саму возможность видеть (Claassen, 2024).

Постфеноменология, углубляясь в анализ технически опосредованного опыта, неизбежно обращается к вопросу о конституировании субъекта – не как пассивного получателя воздействия технологий, но как активного участника формирования собственной субъективности в условиях технической медиации. Технологии не просто трансформируют действия или восприятие – они задают рамки, в которых человек становится моральным субъектом, этическим агентом, рефлексирующим наблюдателем. Однако эта конституция не является детерминированной: человек сохраняет возможность критически осмысливать технические условия своего существования и целенаправленно формировать собственные практики взаимодействия с ними. Это открывает пространство для этики технического существования – не как внешнего регулирования, но как внутреннего, рефлексивного конструирования способов быть в мире техники.

В этом контексте возникает важный вопрос о том, каким образом техника связана с нашим существованием и восприятием мира. Если рассматривать технику не просто как набор конкретных устройств и инструментов, а как важную часть того, как мы открываем и понимаем окружающий нас мир, то возникает идея о глубокой внутренней структуре этого процесса.

Постфеноменология, сохраняя верность эмпирической конкретности, не должна отказываться от онтологической глубины. Напротив, её задача – мыслить одновременно конкретное и универсальное, материальное и историческое, телесное и структурное. Только в таком синтезе она может выполнить свою философскую миссию: не просто описать, как техника влияет на человека, но раскрыть, как человек через технику конституирует самого себя и, следовательно, как он может осознанно участвовать в этом процессе, превращая техническое существование из пассивного состояния в активную, рефлексивную, этически ответственную практику.

Постфеноменология, при всей её декларируемой эмпиричности, сталкивается с ключевой проблемой: как мыслить технику, не сводя её ни к абстрактной сущности, ни к набору отдельных устройств.

Если хайдеггеровская традиция схватывает исторический и экзистенциальный паттерн того, как техника раскрывает мир, но упускает материальность конкретных гаджетов и систем, то постфеноменология, наоборот, погружена в их многообразие, но уходит от вопроса о целостной структуре технического опосредования.

Это уклонение проявляется в отказе от самой категории «техника» как общего понятия под предлогом борьбы с поиском некой изначальной сущности. Однако такой отказ ставит под угрозу саму идею технологического посредничества: если нет критерия, позволяющего определить, что именно является техникой, то нельзя и утверждать, через что формируются наше восприятие и сама объективная реальность (Березин, 2009).

Техника здесь не может быть просто «тем, что под рукой», она должна быть распознаваема как техника, иначе любое явление может быть произвольно включено в поле анализа, лишая подход философской строгости. Это требует не априорного определения сущности, но рефлексивного конструирования категории, способной удерживать двойственность: с одной стороны – множественность конкретных проявлений, с другой – общность структурного воздействия на бытие в мире. Техника не сводится к вещам, но и не существует без них; она не есть субстанция, но и не растворяется в частностях. Её онтологический статус – реляционный и процессуальный: она существует как способ конституирования отношений, как условие возможности определённых форм опыта (Дедюлинна, 2014).

Это ведёт к критике «эмпирического поворота» в его упрощённой форме: сосредоточение исключительно на конкретных артефактах не гарантирует подлинной конкретности опыта. Оно рискует стать эмпиризмом поверхностным, игнорирующим глубинные структуры технического опосредования, которые не всегда даны в непосредственном восприятии (Гашков, 2021). Подлинная конкретность – не в перечислении устройств, но в раскрытии технически обусловленной структуры жизненного мира. Ни онтологический подход, игнорирующий материальность, ни постфеноменологический подход, игнорирующий структурность, не справляются с этой задачей. Необходим синтез: философия, способная мыслить одновременно конкретное и универсальное, вещь и её онтологическую функцию, практику и её историко-структурное обрамление.

Особое напряжение возникает в рамках самой постфеноменологической онтологии, декларирующей интерреляционность как принцип: субъект и объект, человек и мир, конституируются вместе, через техническое опосредование. Однако в аналитической практике этот принцип часто нарушается, например, в использовании категории «объекта». Термин «объект» несёт в себе эпистемологическую нагрузку: он предполагает субъекта, для которого нечто становится объектом. Это воспроизводит классическую феноменологическую установку, где бытие вещи определяется через акт сознания, а не через взаимную конституцию в рамках

отношения. В контексте анализа «отношение-партнёрство» – когда артефакт воспринимается не как инструмент, а как квази-другой – использование категории «объекта» нивелирует онтологическую автономию артефакта, сводя его статус к зависимости от субъекта.

В традиционном взгляде мир технологий всё еще кажется пространством, организованным вокруг человека – даже если признается, что человек сам формируется через взаимодействие с техникой. Иными словами, существует идея, что технические вещи и артефакты – это лишь средства или дополнения к человеческому существованию.

Однако истинная интерреляционность (то есть идея о взаимосвязи и взаимопроникновении вещей и человека) требует отказаться от такого приоритета. Она подчеркивает, что технические объекты имеют особое, онтологическое значение – то есть как бы создающие реальность сами по себе, независимо от того, воспринимает ли их человек и как. Технику нельзя воспринимать только как инструмент, который становится объектом, когда что-то идёт не так или когда мы его используем. Она всегда уже участвует в формировании мира, даже если мы этого не замечаем или не осознаем. Её существование и «бытие» не зависит только от человеческого познания – она существует независимо, онтологически.

Соответственно, философский язык должен избегать терминов, несущих следы субъект-объектной дихотомии. Вместо «объекта» уместнее говорить о сущем, артефакте, медиаторе – категориях, не предполагающих конституцию через субъект. Это вопрос не семантики, но онтологической дисциплины: язык формирует способ мышления, и использование эпистемологически нагруженных терминов неизбежно воспроизводит субъект-центрированную парадигму, даже при декларации обратного (Dusek, 2006).

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что его основная цель – показать, как постфеноменология переосмысливает технику в качестве активного участника формирования человеческого опыта, телесности и культурной жизни, – была достигнута. Поставленные во введении задачи успешно решены, что подтверждается следующими результатами:

1. Техника как активный медиатор. В ходе исследования было продемонстрировано, что постфеноменология последовательно преодолевает инструменталистский и трансцендентальный подходы к технике. Показано, что техника выступает не как пассивное средство или внешняя сила, а как конституирующий медиатор, который активно структурирует восприятие, практики действия и этическое самоопределение человека. Это раскрыто через анализ ключевого понятия медиации, показывающего, что техника становится внутренним условием самой возможности опыта.
2. Типология опосредования и конституирование опыта. В работе описаны и проанализированы четыре фундаментальные формы технического опосредования – воплощённое, герменевтическое, отношение-партнёрство и фоновое. На конкретных примерах (от очков и термометров до городской инфраструктуры) раскрыто, как каждая из этих модальностей участвует в формировании человеческой субъективности и объективных структур мира, подтверждая тезис о неразрывной связи техники, тела и опыта.
3. Критический анализ «эмпирического поворота». Выявлены ограничения узкого понимания эмпирического поворота, сводящего анализ лишь к пользовательским практикам. Обоснована необходимость его расширения за счет включения в исследовательское поле незаметных, побочных и системных эффектов техники, которые формируют фон жизненного мира.

Таким образом, исследование подтверждает центральный тезис постфеноменологии: техника – это не данность и не угроза, а поле этического и онтологического выбора, в котором человек не просто пользуется артефактами, но совместно с ними конституирует себя и мир. Настоящая сила этого подхода раскрывается в его способности соединять анализ конкретных практик с рефлексией общих условий человеческого бытия, открывая путь к осознанному и ответственному проектированию технологического будущего.

Перспективы развития постфеноменологии связаны с углублением её онтологических оснований и расширением аналитического поля. Наиболее значимыми направлениями являются:

1) углубление интерреляционной онтологии – отказ от языка, в котором всё строится вокруг человека как центра (например, терминов вроде «объект» или «субъект»), в пользу понятий, отражающих взаимную конституцию человека, техники и мира;

2) реконструкция категории «техника» не как сущности, а как структурного принципа, фиксирующего общность её конституирующего действия;

3) расширение эмпирического горизонта – анализ не только пользовательских практик, но и фоновых, побочных и системных эффектов техники.

Источники | References

1. Андрюхина Л. М. Постфеноменология виртуальности // Дискурс-Пи: научно-практический альманах. 2010. № 1-2 (9-10).
2. Асеева И. А., Лукьянов Д. Д. Технонаука: неоднозначность понятия и науковедческие профили // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14. № 5. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-5-227-239

3. Березин С. Н. Постфеноменологический дискурс // Дискурс-Пи: научно-практический альманах. 2008. № 1 (8).
4. Березин С. Н. Постфеноменология Дона Айди // Философия науки. 2009. № 4 (43).
5. Верещако А. И. Теория медиации в контексте современной постфеноменологии техники // 76-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: материалы конференции: в 3 ч., Минск, 13-24 мая 2019 года. Мн.: Белорусский государственный университет, 2019. Ч. 2.
6. Гашков С. А. К проблеме телесности во французской постфеноменологии // Логос. 2010. № 5 (78).
7. Гашков С. А. К философской методологии исследования и классификации постструктурализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. https://doi.org/10.17223/1998863X/63/8
8. Гранин Р. С. Реф. ст.: Айде Д. Прелюдия к материальной герменевтике // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. 2021. № 3.
9. Дедюлинна, М. А. Анализ технологии в постфеноменологических традициях // Философия и наука. 2014. Т. 13.
10. Мартин-Иогансон Е. Н. Философия техники до и после эмпирического поворота // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. https://doi.org/10.17223/15617793/503/13
11. Claassen K. There is no “I” in Postphenomenology // Human Studies. 2024. Vol. 47. https://doi.org/10.1007/s10746-024-09727-4
12. Dorter K. Technics and Praxis. By Don Ihde. Dordrecht, Holland: D. Reidel Publishing Company. 1979. Volume XXIV of Boston Studies in the Philosophy of Science. Pp. xxviii, 151 // Dialogue. 1981. Vol. 20. № 3.
13. Dusek V. Philosophy of Technology: An Introduction. Illustrated edition. Wiley, 2006.
14. Ihde D. Bodies in Technology. Minneapolis: U of Minnesota Press, 2002.
15. Ihde D.Introduction: Postphenomenological Research // Human Studies. 2008. Vol. 31. https://doi.org/10.1007/s10746-007-9077-2
16. Ihde D. Postphenomenology, the Empirical Turn and “Transcendentality” // Foundations of Science. 2022. Vol. 27. https://doi.org/10.1007/s10699-020-09741-6
17. Penttilä A., Mertanen M. Reconsidering Alterity of Ihde’s Garden: A Conceptual Critique // Human Studies. 2025. Vol. 48.
18. Preester H. de. Postphenomenology, Embodiment and Technics // Human Studies. 2010. Vol. 33. https://doi.org/10.1007/s10746-010-9144-y
19. Ritter M. Philosophical Potencies of Postphenomenology // Philosophy & Technology. 2021a. Vol. 34. https://doi.org/10.1007/s13347-021-00469-0
20. Ritter M. Postphenomenological Method and Technological Things Themselves // Human Studies. 2021b. Vol. 44. https://doi.org/10.1007/s10746-021-09603-5
21. Romele A. Technological Capital: Bourdieu, Postphenomenology, and the Philosophy of Technology Beyond the Empirical Turn // Philosophy & Technology. 2021. Vol. 34. https://doi.org/10.1007/s13347-020-00398-4
22. Rosenberger R. Postphenomenological Investigations: Essays on Human-Technology Relations / ed. R. Rosenberger, P. P. C. C. Verbeek. Lanham: Lexington Books, 2015.
23. Verbeek P.-P. Accompanying Technology: Philosophy of Technology after the Ethical Turns // Techné: Research in Philosophy and Technology. 2010. Vol. 14. № 1.

Информация об авторах | Author information

RU

Москвитин Валерий Александрович[1]
[1] Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, г. Санкт-Петербург

EN

Valerii Alexandrovich Moskvitin[1]
[1] Baltic State Technical University “VOENMEH” named after D. F. Ustinov, St. Petersburg

[1] *moskvitin_va@voenmeh.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.10.2025; опубликовано online (published online): 10.11.2025.

Ключевые слова (keywords): наука и техника; постфеноменология техники; техническая медиация; концепция мультистабильности; фоновость техники; science and technology; postphenomenology of technology; technical mediation; concept of multistability; background presence of technology.